
ЗАТМЕНИЕ
ВИКТОР ЛЕБЕДЕВ

Виктор Лебедев
Затмение

ЧАСТЬ I. ЗАТМЕНИЕ

Доверься мне

Расскажи обо всём, что тревожит,
Расскажи мне о буре в душе,
О той боли, которая гложет
Твоё сердце, чтоб разум твой сжечь.

Я бывал в нижних уровнях ада,
В одиночку прошёл Сайлент-Хилл.
Хоть давно зажили; мои раны,
Для тебя я их снова открыл.

Обнажи свою душу, родная!
Твою боль я возьму на себя.
Ты не бойся: тебе доверяю,
Обо всём расскажи, не тая.

Всё, что мне ты поведать готова,
Всё, о чём ты украдкой всплакнёшь,
Сохраню я в секрете до гроба –
Даже если когда-то уйдёшь.

Ведь не зря я давал клятву Фонда:
«Удержать, сохранить, защитить!»
Мне довериться можешь свободно,
А сказав – о печалях забыть.

Будет вечно секрет зашифрован,
Заперт он ото всех навсегда.
Я тебе доверяю во многом –
Свою душу излей без стыда!

Полуночный круиз

Неоновый свет, полуночный круиз,
«Делориан» верный несёт меня вниз –
Вдоль уличных рек и ночных голосов,
Вдоль старых усадеб и тихих домов.
Мне больше не страшно – но и не смешно:
Несусь вдоль проспектов, как в старом кино!
Мне больше не страшно. Но я не один –
Ведь нас Нео-Токио ждёт впереди!

Сердце – лёд

Меня больше ничто не тревожит,
Неспособен я чувствовать стал.
Мою душу, когда-то живую,
Облачил в свои латы металл.
Моё сердце остыло, замёрзло,
И не вскроется вновь вечный лёд.
И спасать вам меня уже поздно –
Что мертво, то уже не умрёт.
В сердце лёд, а вокруг – сплав титана.
Я уже не способен любить.
Пусть причины останутся тайной –
Так мне будет их проще забыть.

Воспоминания о будущей любви

Что снится ночами тебе, о любимая Шерон?
В какие прекрасные дали твой ум унесён?
Поведай о снах мне твоих – и тогда я поверю,
Что чувства и мысли твои – это больше не сон.

Тебе посвящу я, прекрасной, синтвейв-серенаду,
И будешь ночами под звуки её вспоминать,
Как вместе смотрели закат, как в осенней прохладе
По берегу хладного моря ходили гулять.

Я помню о будущем, что не успело случиться:
Мы встретились, будто бы судеб нас свёл режиссёр,
Украдкой увидев друг друга, сумели влюбиться
И дать тихой искре в любви разгореться костёр.

И пусть нашей встречи мне ждать ещё долгие годы,
Сквозь время я верность к тебе, будто свет, пронесу.
Минуют пусть нас политической жизни невзгоды,
Прекрасная Шерон! Одну лишь тебя навсегда я люблю!

Просьба

Уйми мою душу мятежную,
Мой внутренний шторм успокой.
Скорей обними меня нежною
Своею ты тёплой рукой.
Пусть мир покрывается ржавчиной,
Пусть воет сирена вдали –
Мне больше не быть неприкаянным,
Записанным в жизни нули.

Независим

Не кровью – чернилами – ручку заправлю
И снова пойду – будто рыцарь пера
Я лить на бумагу все литры страдания
Чистого разума. Да – я поэт со двора.

Не физик, не лирик я нынче – я странник!
На выжженных землях слезам места нет.
Не стану я плакать о том, кто изгнанник,
А кто – лишь ещё один мёртвый поэт.

И пусть мои строки предметны, как выстрел,
Пусть даже на миг в них погаснет огонь,
Духовная искра – зато независим
Я буду от мнений толпы, будто конь!

«Не убивайте спешкою поэтов...»

Не убивайте спешкою поэтов!
Нельзя им торопиться ни на миг!
Их скоростью вы душите – за это
Расплатой служит бедный, бледный стих!

Подобна смерти спешка безвозвратной,
Что пулей снайпер в голову несёт.
Вокруг – притворство, Ирий суррогатный,
Где пресен стал поэтов сладкий мёд.

Спешащий не наследует Парнаса,
Где ждёт его Эвтерпы дивной песнь.
Поэты в спешке гибнут под КамАЗа
Тяжёлым прессом в вечной суете.

Лишь медленно идя по жизни грешной,
Поэт раскрыть способен силу всю
Пера, что дремлет до поры конечной,
И строками излить, чтобы дождю

Стихов потоки мог бы уподобить –
Но стоит оступиться на чуть-чуть,
Заторопившись – больше не способен
Поэт творить, как направляет путь

Его. Оставьте же свои советы
И не душите скоростями их,
Не убивайте спешкою поэтов!
Не надо вам купаться в их крови...

Поэт не создан для напрасной спешки,
Поэт нерасторопным должен быть.
Оставьте ж ваши едкие насмешки
И не мешайте им стихи творить –

Сынам Эвтерпы, дщерям Каллиопы,
Эрато дивной сладостным певцам!
В метро на станциях и в коридорах

Огромных офисов не лезьте к нам!

Не убивайте спешкою поэтов,
Цейтнот для них опасен, как чума!
Поэт – счастливец, он не чует время,
Вне времени лишь может он писать.

Ночная прогулка

Я перо золотое оставлю,
В руки камеру крепко возьму
И пойду по ночному проспекту –
За изнанку украдкой взгляну.

Тихий двор, где когда-то играли
Ребятишки в лапту и футбол,
Изменился – не очень заметно:
Лишь асфальт заменили песком.

В тихом парке в сиянии лунном
Меж скамеек по тропке пройду;
Сняв наушники, в небо вглядевшись,
Я ночную вдохну тишину.

И умолк за оградою вечный
Автострады пронзительный рёв.
Разрезает ночную прохладу
Только стук моих тихих шагов.

А к рассвету останутся снимки
Тихих улиц и памятных мест,
Чьи в ночной тени песни услышать
Чутким разумом сможет поэт.

Индустриальная эклога

Отшумели уж тракторы в поле,
Отгремела комбайнов пора,
Механическим хором нестройным
Завершилась в колхозе страда.

Мелибей заиграл на свирели
Шестерёнок скрипящих своей,
Прославляя хромого Гефеста
Как отца всех колхозных полей.

Век железный, машинный, практичный
Всю романтику сбросил с полей,
И теперь о промышленном быте
Свои песни поёт Мелибей.

И пусть вторят ему комбайнёры,
Что поют, прославляя труды
Своих славных колхозных партнёров,
До начала грядущей страды.

Дождь

Промок асфальт, промокло небо,
Дождём осенним налившись.
Иду, растягивая время,
Вперёд. Мне некуда спешить.

Я не воспринял дождь как слёзы
Небес – я стал довольно стар
Для столь наивных аналогий –
Умом эмоции познал.

Над мыслью тело торжествует,
Над плотью – хладный же металл,
А дождь слепой, ему лишь нужен
Хандры осенней карнавал.

Сказал бы лирик так. Я ж – физик,
Эпитетов мне спектр чужд.
Стихи свои я в стали высек
Материи резцом – без рук.

Так пусть же дождь ещё прольётся
На крыши, клумбы и асфальт.
Поток иллюзий разобьётся,
Восторжествует физик в нас.

Мегаполис

Бросает солнце бронзовые блики
На здания стеклянную панель.
Искусственных, натянутых улыбок
Вечерняя скрывает маски тень.

Отгрохотал надземки поезд за спиною,
Зажглись молочно-бледным фонари,
Луну копируя, что в небе над страною
Очередной свой круг решила завести.

Зарядит диджей буднично усталый
В эфир вечерней радиоволны
Японских песен из восьмидесятых
И отдыхать уйдёт от суеты.

А я, закатным солнца окружённый
Сияньем, снова побреду домой,
Куплю в киоске кофе охлаждённый,
Чтоб гнать усталость от себя долой.

И пусть мне одиноко в этот вечер,
А дома лишь компьютер ждёт меня –
Приблизить я мечтаю нашу встречу,
Чтоб вечер провожать, тебя обняв.

А после, взяв с корицей булочек в пекарне,
Всю ночь смотреть с тобою сериал,
Прижать тебя к себе в забытьи сладком
И верить в то, что завтра есть у нас.

О студенчестве

Мы все ещё телами молодые,
Но всем в душе нам пятьдесят четыре.
Мы выгораем все без остановки –
В учёбе тонем, смотрим котировки.

В эпохе новой нам не до веселья –
В карьеры поиске, в учёбе время
Проводим мы, не думая о светском,
Предав забвенью дни забавы детской.

В веках остались думы о высоком;
Не сыщешь нынче клубов философских,
Где молодёжь ведёт свои беседы,
Не ездят и на званые обеды.

Мы – не дворянство. Мы совсем иные.
Нам чужды похоть, радости простые.
Мы ищем знаний вечных канители –
И в этой вечной гонке постарели.

Метель

Накинув маску, тихо выйду в город,
Укрывшись от случайных глаз в метель.
Зайду в любимый магазин за кофе
И жизни растяну вновь канитель.
Бегут потоком новостные сводки,
Сменяют сумерки бесцветно-бледный день,
То вверх, то вниз летают котировки
Любви и искренности, падающих в тень.
И лишь метель, надрывно завывая,
Впитает с сильным ветром тяжесть дум,
Сотрёт мне память, чтобы тьма ночная,
Минуя душу, заняла мой ум,
Мой ум, мятущийся в тревоге
О будущем, что в прошлое ушло,
Любви несбывшейся, борьбе идеологий
И снах, разбившихся, как хрупкое стекло.

Легенды

Мы могли бы с тобой
Стать легендами,
И как звёзды сиять
До последнего.

Мы взорвали б с тобой
Солнце красное.
Осветили б мир снов
Сеткой лазерной.

И, в неоне кружась,
Будто бабочки,
Изливали мы страсть –
Так, для галочки.

Ретровейва биты
Электронные
Расшатать смогли
Рамки кованы.

Ты взошла на танцпол,
Став маньячкою.
Ослепила бомонд
Вспышкой яркою.

Я тебя обнимал
Крылом сломанным.
Ты смеялась в ответ,
Очарована.

И бежим в тенях
С дискотеки мы,
Будто Бонни и Клайд –
Неразрывные.

В полуночный вояж
Мы отправимся,
Никому не звоня –

Как Майами Вайс.

Улетим в закат
За мечтою мы,
Чтоб легендами стать
Смогли новыми!

Сайлент-Хилл

В городке провинциальном
Тихо и темно,
Ветер скорбно завывает,
Снег стучит в окно.
Вдоль по улицам разбитым
Ты бредёшь один,
И глядит из тени ужас,
Из пустых витрин.

В местном озере туристом
Ты купаться мог,
А теперь оно покрылось
Смерти крепким льдом.
И кошмары оживают
Где-то во дворах –
Будто образы, что в самых
Диких снились снах.

Поглотят клубы тумана
Бледный солнца свет,
Только время здесь не властно –
Здесь его и нет.
Пробирает лютый холод
До самих костей,
Обнажая все пороки,
Что таишь в себе.

Как сбежать отсюда – ищешь
Способ целый день,
Вот и крики стали тише,
Солнца свет – тусклей.
Вой сирены режет уши,
Восстаёт от сна
Город, и сжимает душу
Страх в своих тисках.

Все круги кошмара должен
Ты сперва пройти,

И домой вернешься, если
Не сойдёшь с пути.
Всё, что было – то осталось
В памяти твоей:
Тот забыть не сможешь город
До скончанья дней.

Бегущий во тьме

Под скрежещущий лязг эстакады,
Вдоль неоновых улиц ночных
Я бегу, руки сбив о преграды,
По узлам кабелей сетевых.

В этой лживой «любви» не нуждаюсь,
Всё обман и интриги кругом.
В ветра танце кружась, очищаюсь
Я холодным электро-огнём.

И когда скажет чей-то мне голос,
Что скучает и любит опять,
Я на лезвия встану осколок:
Передышка – и снова бежать!

Тупик

От мёртвых огней убегаю
Я снова на каменный пляж,
Где, в долгом застыв ожиданьи,
Я снова не встречу тебя.
Позволю погибнуть надежде:
Мне нечего больше терять.
Не быть ничему так, как прежде,
И смысла нет дальше бежать.

«Тетрадь потрёпана, бумага несвежа…»

Тетрадь потрёпана, бумага несвежа –
И надо б дать её передышку.
Перо отбросить в угол, чтобы не спеша
Его сменить на клавомышку.

Итог трудов моих – сей сборник цифровой
(Не знаю, правда, кто читает
Стихи, что в цифре). Пусть он даже небольшой –
В нём в каждой строчке смысл пылает.

Тетрадь потрёпана, утомлено перо…
Не стихнет слава и поныне
Поэта, что стихи писал, будто в кино,
Пока кирпич его не вынес…

«А ты прости мне Несквик с пивом...»

А ты прости мне Несквик с пивом,
Забудь про тухлый Доширак.
Я не хочу в подъезде лживом
В незримой клетке помирать.

А ты прости мне Несквик с пивом!
Я так устал варить борщи,
Что в сне глубоком и красивом
Брюс Ли мне пробивает в щи!

Когда б я вылез из подъезда,
Я Несквик с пивом взял с собой.
Тогда не скажет Муза, что я бездарь,
И бахнет по стаканчику со мной!

Тульпа

Могли бы встретиться у моря мы с тобою,
Но это – мой последний самый раз,
Когда на юг я выезжаю – ибо боле
Не в силах я на солнце погибать.

Я знаю, что не чужды городов просторы
Твоей невинной, трепетной душе,
Что ждёт своего часа где-то одиноко
И молится о будущей весне.

О рук твоих прикосновеньях я мечтаю,
Хоть знаю: невозможно их постичь.
Теперь сижу один у моря, провожая
Заката новой ночи бледну нить.

А в плеере печальной серенады пенье
Гекату саундтреком огласит.
Прилив накатит, смоет прочь моё волненье –
Притянет сердцем к сердцу нас магнит.

...Ты растворилась в воздухе солёном ночью,
Оставив след свой на прослойке сна.
Свободен я – но не осталось больше мочи
Терпеть твою пропажу без следа.

Ты наказала мне любить совсем другую –
В чьём сердце я разжёг любви огонь,
И с ней я счастлив, но когда я поцелую
Её? Тот день не так уж и далёк...

Полуденный ужас

Когда при свете дня мой ум усталый
Покроет невзначай своей вуалью сон,
Мне мир иной откроется – подчас довольно странный,
И так легко становится мне затеряться в нём.

Там коридоры, что ведут в пустоты мирозданья;
Народы древние, что страшно говорят
Слова диковинны, пророча мне страданья,
И красный бык, что среди трёх ребят

Резвиться вздумал, прыгая чрез солнце.
Когда же льёт с небес железный дождь,
Плету словес я цепь, доколь не разобьётся
О камни хрупкий смысл, да не поспеет рожь.

И, только ото сна восстав благозабвенно,
Внимаю пенью вьюги за окном:
Кружатся снеги, будто в вальсе современном,
И рдеет в сумраке проспектовском неон.

Тоска по Северу

Нет сил терпеть однообразье юга,
Жары нещадной пытки выносить!
От моря, бирюзового, как будто
Степная ель, меня уже тошнит!

Домой хочу – в Сибири край холодный,
Где снеги восемь месяцев в году
Скрывают землю своей толщей плотной,
Где улицы купаются во льду!

Меня тошнит от юга разнотравья!
Зачем он мне? Ведь здесь не посмотреть
Игру лучей полярного сиянья,
Не тронуть плотный и пушистый снег.

Меня убьёт тропической жарою
Обманчиво красивый южный край.
В Сибири я рождён – её зимой родною
Благословлён я, там для меня рай.

Я Севера дитя, ему я безвозвратно
Отдан всем телом, духом и умом.
Устал от юга. Мне роднее холод:
Где холод – там Сибирь, родной мой дом!
Крым. Июль 2022

К Дарьюшке

Стали за год родными друг другу,
Будто крылья себе отрастив.
И, пройдя через штормы и вьюги,
Мы друг друга смогли полюбить.

И пусть тысячи нас километров
Разделяют – ты рядом со мной,
В моих мыслях, в смартфоне и в сердце,
Сплетены мы навечно судьбой.

Чтобы выразить всю мою нежность,
Мне не хватит и тысячи слов.
Лишь с тобой обретя безмятежность,
Смог тебе подарить я любовь.

В твоём сердце навеки останусь
Ясным летнего солнца лучом,
Ведь любовь моя не угасает –
Только крепнет она день за днём.
24/4/2022. Как же наивен я был, предполагая, что это навсегда...

Кирпич

Как страшно бывает порой
Уснуть в замороженной ванной,
Чтоб с болью потом и тоской
Кирпичами залечивать раны!
Не страшен мне больше ковид:
Я был прочипирован с детства.
Душа-то болит и болит,
Кирпич – моё верное средство.
Им раны свои исцелю,
Наставлю себе новых чипов
И, в будущность смело взглянув,
В степях затеряюсь, убитый.

Интермиссия

Понедельник начинается в субботу,
По средам – вода на киселе.
Мы читаем дубу сказки про работу,
Начертавши радость на челе.

Пятницей среда увенчана. Напрасно
Низким штилем я писал стихи.
Лишь во тьме, при лунном свете тёмно-красном
Я от страха делаю хи-хи.

...Я и сам не понял, что награфоманил,
И какой в стихотвореньи смысл.
Мне не стоило с утра пить много чая –
Там, глядишь, и стих цельнее б был...

ИНТЕРЛЮДИЯ

Начали за здравие, но поезд дальше не идёт…

В час затмения не только мир покрылся зловещей тенью, но и моё сознание. Оно, будто воспаляясь, подёрнулось пеленою боли; зрение стало туннельным и тоже подёрнулось алой пеленою. Пamороки беспросветные, заполняющие мою истерзанную хтоническим ужасом душу, явили мне виденья столь жуткие, что даже описанные её явления в Части I не передадут и тысячной доли того, как во хтонической тьме пожизния и в мёртвом свете посмертия мой мятущийся разум, изорванный в клочья и собранный вновь. Иные стихи приходили ко мне во снах дневных и беспокойных, иные писались с трёх чашек кофе.

Но затмение рано или поздно кончается, памороки отступают, и разум очищается. Зрение из туннельного становится широкоугольным и чётким, освобождаясь от фильтров. Будто зашитая в мозг DRM-система срабатывает, и ограничительные и спасительные дамбы и молы поднимаются, щитами ограждая мой разум от ужасных фантасмагорических образов, от потока хаоса, что одним своим присутствием обращает мир в неописуемый, непередаваемый кошмар. Кошмар схлынывает, графомания отступает, и холодный разум вновь связывает руки, давая своими ограничениями свободу – подлинную свободу писать.

ЧАСТЬ II. ПОСЛЕ ЗАТМЕНИЯ

Небытие

Пустой коридор –
Ни окон здесь, ни карты.
Помнят ли меня?

Октябрь

Беглое солнце
Сверкнуло в окнах на миг.
Валёк вдалеке.

Сцена в парке во Внукове

Бежит глупая
Мышь дереву навстречу.
Закат над Москвой.

Офис в дорогу

Офис на борту.
И в самолёте можно
Бизнес нам вести.

Ностальгия

Старые фото
Память мою бередят.
Архив цифровой.

Тропический дождь

За ливня стеной
Плотной путник укрылся.
Далеко до Ялты.

На остановке

Холод до костей!
Долго ещё автобус
Ждать мне придётся...

Защита курсовой

Не сдался боец –
Выдержал испытанье!
Всем пять за курсач.

Белая ночь

Не ночь и не день –
Весь мир серым окрашен.
Птицы мешают спать.

Сход с тропы

Сделал большой крюк
По дворам. В жизни петлю
Вернуться пора.

Скоро декабрь

Морозный рассвет
Играет золотом в окне.
Уж близко декабрь...

Преддипломное выгорание

Сгорел самурай.
Всё трудней становится
Стихи мне слагать.

Весна приходит

Залиты водой
Улицы ледяные.
Весна крадётся.

Метель в городе

Скроюсь я вдали,
Метели плёнкой укрыт...
В городе один.

Пельмени

Только из кастрюли!
Тарелка целая пельмешек
На столе стоит.

Видение в одиночестве

В неоновых снах
Держу тебя за руку.
Но ты не рядом.

Пустые коридоры

Эхом разнеслись
По коридору шаги.
Сквозняк в тишине.

Забег в тени

Вдоль улиц ночных
Бегу, не зная пути.
Спрятаться негде.

Монетизация романтики

Нет в девушке чувств:
«Знакомлюсь только платно!» –
Уходи отсюда!

Лифт

В лифта коробке
Поднимаюсь под крышу.
До неба б достать.

Карамельный кофе

Греет изнутри
Карамельный мокко.
Холоден декабрь.

Осенний ветер

Ветер городской
Печальной флейтой воет
Свои песни в проводах.
3 сентября 2020

Девушка на скамейке

О чём ты грустишь?
Поникла головою
Белая роза.

ВЫВОД

Наверное, мне
Не стоит писать стихов.
Пафоса много...